

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

МАСТЕР СЦЕНЫ

СПРОСИТЕ у любого львовского театралла, кого он считает наиболее интересными актерами, и непременно среди других сценических талантов вам назовут Аркадия Ивановича Аркадьева. И я не ошибусь, если скажу, что к этому мнению присоединятся все, кто хоть раз видел Аркадьева на сцене. В любой, даже эпизодической роли.

О том, как играл и играет Аркадий Иванович, мне и хочется поговорить, пользуясь весьма удобным случаем: сегодня общественность Львова отмечает 60-летие артиста.

Когда я перебирал в памяти созданные Аркадьевым за последнее десятилетие сценические образы, в первую очередь вспомнился дядюшка Шварц из пьесы А. Арбузова «Потерянный сын». Почему именно Шварц, а не Василий Забродин, например, из «Ленинградского проспекта», не директор театра Ходунов из «Кресла № 16»? Видимо, потому, что именно в роли Шварца, по-моему, с наибольшей силой проявился талант Аркадьева — актера драматического, наделенного редким даром психологического постижения характера.

Пьеса Арбузова — мелодрама. Роль Шварца выписана с истинно арбузовским блеском, но все же — не будем греха таить — несколько поверхностно (мелодрама есть мелодрама!). Очень легко в таких случаях поддаться искушению сыграть роль в виде серии эффектных сцен, наклеив на персонажа ярлык негодяя. Но истинный художник — Аркадьев ощутил возможность копнуть глубже, отыскать в характере дядюшки Шварца такое, что делает его не однозначным никчемой, прожигателем жизни, а человеком сложных, но скрытых чувств.

Оказывается, Шварц знал, что вся его жизнь — пшик, мыльный пузырь, но боялся признаться в этом даже самому себе. Отсюда — и фанфаронство. И вот встреча с сыном Петром. Она, как вещь, рвет плотину душевной черствости, открывая в сердце этого по существу глубоко несчастного человека самое чистое, сокровенное, что сам он сознательно глушил.

Мне уже приходилось писать о том, как Аркадьев проводит сцену, когда Шварц впервые узнает в одном из положительных героев пьесы, Петре, своего давно забытого сына. Но позволю себе напомнить еще раз, как ошеломленный Шварц — Аркадьев боится верить своей догадке. Радость и отчаяние, гордость и стыд — целая гамма противоречивых чувств обуревает его, и они ясно читаются на лице, в глазах актера, во всей его напряженной фигуре.

Вершиной же мастерства мне представляется последний эпизод,

окрашенная горечью, привычное и такое спасительное балагурство. Так и уходит он, не посмев обрести счастье, человек, обокравший себя стремлением к иллюзорной «красивой» и «сладкой» жизни. Но... (и это «но», думается, самое большое достижение Аркадьева в роли) уходит совсем не таким, каким пришел. Актер дает понять (ненавязчиво, так сказать, намеком), что Шварц начнет жить иначе, ибо в нем проснулся настоящий человек.

Есть в творчестве Аркадьева одно бесценное качество — способность открывать и оттенять в своих героях положительные начала. Это рельефно проявилось даже в исполнении роли Шварца. Не говоря уже о персонажах, задуманных драматургами как положительные, например, такие, как Мотыльков («Слава» В. Гусева) или Швандя («Любовь Яровая» К. Тренева). Юлиус Фучик («Прага остается моей» Буряковского) или комкор Малько («Далекое» А. Афиногенова).

Увы, многие из лучших ролей артиста нам увидеть не довелось — они сыграны Аркадьевым до «львовского периода». Но и то, что досталось львовянам, проливает достаточно яркий свет на достижения актера в создании образа нашего современника — положительного героя. Достаточно вспомнить, как сыграл Аркадьев московского рабочего Василия Забродина в пьесе И. Штока «Ленинградский проспект».

Забродин в прочтении Аркадьева — образ предельно точный, емкий, многогранный. Он буквально «списан с натуры», этот большой, сильный человек с натруженными добрыми руками и внимательным взглядом умных глаз. Ощущение такое, будто где-то мы уже встречались с ним, то ли на улице, то ли в заводском цехе. Но за кажущейся обыденностью характера кроется глубина мысли, огромность души Забродина — рабочего человека, хозяина жизни.

Забродин Аркадьева нетороплив, раздумчив, добр, отзывчив. Но и непримирим к злу, косности. Тут-то, в столкновении с неправдой, он и разворачивается во всю свою духовную силу, ибо для него превыше всего — истина, справедливость. Даже если путь к их утверждению чреват для ближних горькими моральными потерями. С виду и тогда Забродин спокоен, нетороплив. И только проскальзывающие в голосе металлические нотки, потемневшие от гнева глаза да вдруг опустившиеся как от непосильной ноши, плечи выдают его действительное душевное состояние... А в сцене с женой он задушевен, добр и даже чуточку ироничен. Но за этой иронией — боль-

шое уважение к подруге, прошедшей с ним весь его долгий и честный путь.

Таков Аркадьев в драме. Но ведь многим зрителям он врезался в память как блистательный комедийный актер. Ну хотя бы как исполнитель роли директора театра — Ходунова в водевиле Д. Угрюмова «Кресло № 16». Откуда только взялись у него истинно водеvilные легкость, пластичность, музыкальность. Слово всю жизнь человек только и делал, что изучал водевили, требующие особенно отточенной сценической техники, тонкого ощущения смешного.

А теперь сравните водеvilного Ходунова с Вожакон из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. Понимаете, какая широта диапазона, какое мастерство перевоплощения!

Честно говоря, спектакля я не запомнил. Потому, видимо, что постановка оказалась неудачной: какой-то мелковатой, где режиссера больше всего интересовали намеки на личные отношения Комиссара и матроса Алексея. И только Вожак, как живой, стоит перед глазами: тяжелый, мрачный, посверкивающий щелочками недобрых глаз. Силён этот человек, силён бесспорно. Но, столкнувшись с еще более убедительной силой Комиссара, одухотворенной и ясной, он вдруг ощутил неуверенность в себе. И вместе с тем — холодную, неумолимую ненависть к ней, разрушившей его созданную жестокостью, насилием и демагогией власть. Уверенной рукой мастера психологического портрета вылепил Аркадьев образ Вожакон.

Шестьдесят лет жизни... Из них более тридцати отданы сцене. Но когда же все-таки начался Аркадьев такой, каким знаем его сегодня? Может, когда юнцом бегал на репетиции в клуб имени Старостина, что в Рабочей слободке Одессы? Или позднее, когда ему, молодому, не обстрелянному еще актеру театра Киевского военного округа, поручили роль комкора Малько в афиногеновском «Далекое» и он вначале с «блеском» ее провалил, а потом все же сыграл, заставив поверить в свой талант? А может, в суровые годы Великой Отечественной, когда прямо после спектакля, игранного в прифронтовой полосе, зрители уходили в бой. Это о Сергее Лукоинине, сыгранном Аркадием Аркадьевым в пьесе Симоннова «Парень из нашего города», фронтовики говорили: «...Парень наш. Такому можно довериться. Спасибо!»... Когда же, все-таки?

Вряд ли на это ответит и сам Аркадий Иванович. Такова уж природа актерского творчества, что мастерство складывается не вдруг, а лепится из крупиц жизненных наблюдений, личных переживаний, эрудиции, таланта и глыб... труда, повседневного целеустремленного. И у настоящего художника этот процесс безграничен, ибо нет пределов мастерству, как нет границ у подлинного прекрасного. Пожеланием такой творческой «беспредельности» и хочется завершить этот небольшой «юбилейный рассказ» о большом артисте.

Вл. ПОПОВ.

НА СНИМКЕ: А. Аркадьев в роли генерала Рыбакова в спектакле «Сын Рыбакова» В. Гусева.

Фото В. Силина.